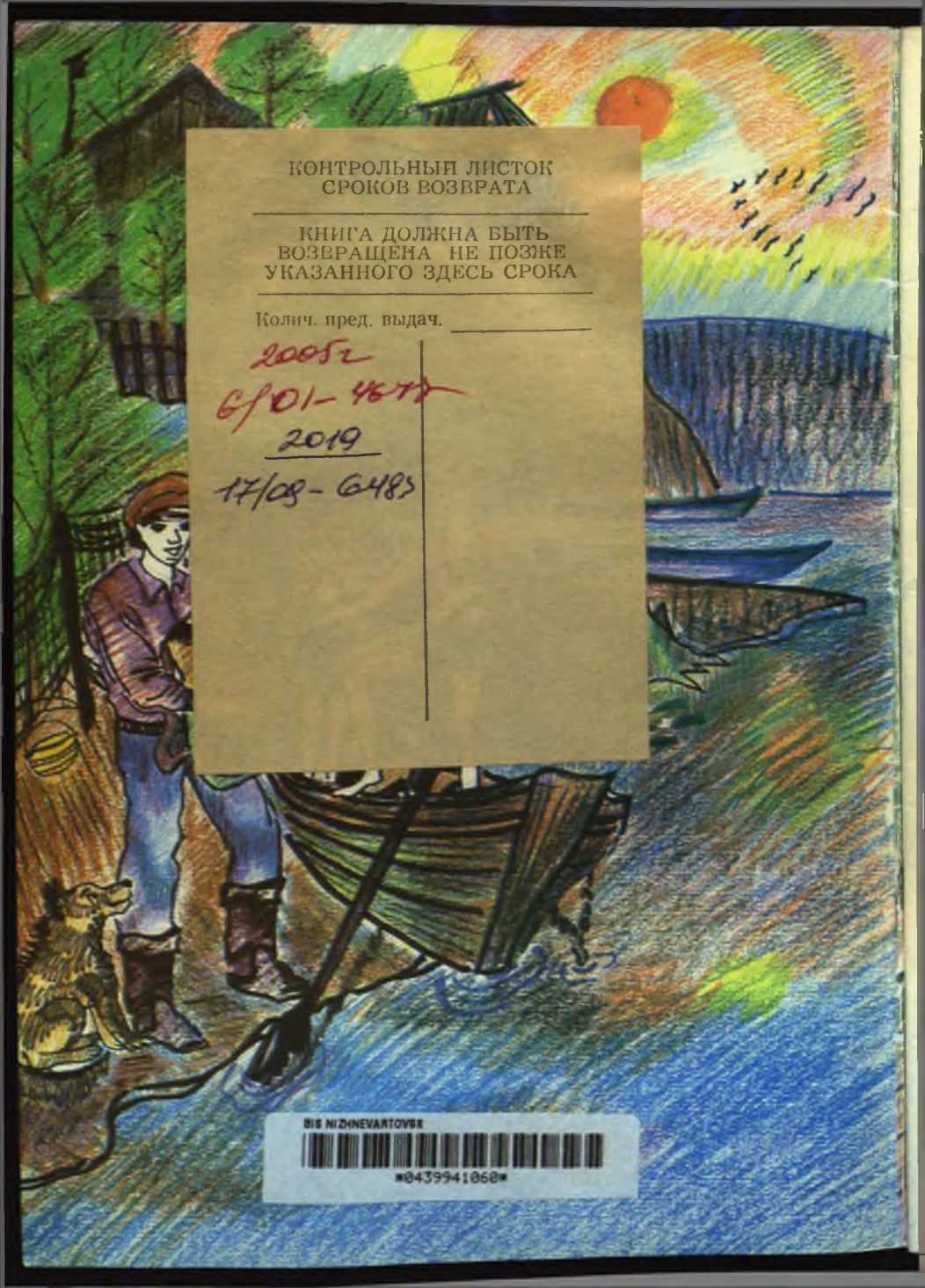
84(2Рос-Рус)6
С50

Николай Смирнов

СИНИЙ БОР



КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач. _____

2005г
6/01-46тр
2019
17/08-6483

BIB NIZHNEVARTOVSK
0439941060

84(2Рос-Рус)6
С50

Н.СМИРНОВ

СИНИЙ БОР

РАССКАЗЫ

Издание второе

Редакция газеты "Нефтяник"
г.Нижневартовск
1996г.

Нижневартовское
МУ "БИС"
инв.№ Бр. 280/35

Посвящается 25-летию
г. Нижневартовска.

Р2

С 50

"Эта книжка о Дёмке и Вальке, об охотничьем псе Борзане и их приключениях в Синем Бору.

Написана книжка нижневартовским прозаиком Н.П.Смирновым, тонко чувствующим природу. Рассчитана на младший школьный возраст. Иллюстрирована."

Так было написано в аннотации первого издания книжки в далёком 1974 году. Выпустило её тогда тиражом в пятьдесят тысяч экземпляров Средне-Уральское издательство, что в нынешнем Екатеринбурге.

Прошло много лет. "Молодой тюменский прозаик" стал членом Союза писателей России. Написал за это время и издал много разных книг для взрослых и детей. Стал коренным нижневартовцем. Но Синий Бор попрежнему дорог ему. Это ведь его собственное детство, которое повторяют другие мальчишки и девчонки.

К юбилею города книжка переиздаётся по инициативе и на средства городского управления культуры.

Художник Л.Постовалова.

Обложка Е.Смирновой.

МОИ СОСЕДИ

Дёмка и Валька Гущины — мои соседи. Лишь редкий дощатый забор разделяет наши дворы. Братья наведываются ко мне через проломы между досками. У ребят дружба с Борзаном, моей охотничьей собакой.

Нет, кажется, лесного уголка, где бы мы не побывали с Борзаном. Иногда увязываются с нами и братья. Особенно Дёмка. В этом году он окончил шесть классов и при необходимости выполняет несложные поручения: чистит ружьё, катает дробь.

В его годы я сам пристрастился к охоте, к лесу. Дёмкин дед Прокопий иногда брал меня на тетеревиные тока, утиные засидки. Но ружья не доверял. Когда наконец позволил взять переломку, я днями пропадал с ней в заречном бору, полном таинственности. Ощущение каждый раз было такое, будто вот-вот откроется нечто необычное. Не покинуло оно меня и по сей день, когда уже стал взрослым, работаю учителем в школе.

Знаменитый у Дёмки с Валькой дед. До войны работал кузнецом в колхозе. А теперь стал пчеловодом — после ранения в грудь врачи «прописали» ему свежий воздух. На фронте Прокопий был снайпером, немало поубивал фрицев. О нём писали в армейских газетах.

Наши дома стоят на горе. Под горой — речка, за

ней — курчавый, синеющий вершинами бор. Дёмка с Валькой частенько путешествуют туда одни, ничего не боятся.

Однажды набрели на тропу, пошли по ней и увидели на взгорке, среди сосен, косуль. Те, склоняясь, лизали землю. Это же солонцы! Место такое, где земля солёная. Животные, как и люди, нуждаются в соли, вот и разыскивают её по запаху и приходят лизать землю.

В другой раз, когда ребята опять захотели пойти посмотреть на косуль, наткнулись на яму. Её какой-то браконьер вырыл на самой тропе, по которой косули к солонцам ходят.

В яме билась испуганная косуля. Ребята заметили, что правая передняя нога у неё подогнута — видно, повредила, когда падала в яму.

Братья постояли, подумали — одним не справиться. И отправились за помощью ко мне.

Косулю из плена мы вызволили. Яму забросали землёй, принялись мастерить носилки. На них положили пострадавшую, притянули бечёвкой, чтоб не брыкалась.

С тяжёлой ношей потихоньку двинулись к дому. Дома мы на сломанную ногу косули приспособили дощечки, крепко-накрепко стянув их бинтом. Шина своего рода получилась. Такие и людям при переломах накладывают. Место косуле отвели во дворе. Свежие капустные кочерыжки принесли. Она сперва пугалась, не ела, а потом привыкла. И корм из рук брала, и гладить себя разрешала.

Нога у неё постепенно срослась. И тогда наша косуля за-

тосковала. Подолгу смотрела в заречную сторону, словно просила: отпустите.

Вот я и говорю братьям:

— Вы были в плену вражеском?

— Нет.

— Ну, так по кино знаете, какое страшное это дело. А косуля — лесная жительница. Для неё наш двор все равно что погреб или каменная тюрьма. На волю она хочет.

Вижу: нет возражений. Косулю на ремешок и — за речку.

На старой заброшенной пустоши между речкой и бором я развязал ремешок.

Косуля, словно не веря счастью, ступила раз, другой... И, как на крыльях, взлетела! Показала настоящую скорость. Только белое пятнышко-зеркальце там, где хвостик, взблеснуло...

Это «зеркальце» служит косулям как бы ориентиром, когда они спасаются от погони в густом лесу. Мчатся одна за другой туда, где «зеркальце» мелькнёт. Иначе бы растерялись в зарослях.

РЕЧКА

На речке у нас стоит бат — лодка, выдолбленная из толстого дерева. Обычно мы плаваем на бате к Макарьевскому омуту. Омут — это глубокое место на речке. Макарьевский, потому что против избы Макарьевых.

Как-то раз отправились в плавание раным-рано.

Я на корме грёб. Бат скользил по сказочно-тихой глади, раздвигал носом водоросли. В глубине меж ними мелькали серебристые чебаки. Валька, насадив на

удильный крючок червя, закинул леску в воду — авось, клюнет. И, верно, поплавок нырнул ко дну. Колючий преколючий попался ёрш. Валька, пока отцепил его, руку исколол.

Во второй раз вытянул окуня с раздутым животом: успел позавтракать, обжора. Глядя на него, Валька вспомнил, что ещё не ел. Достал из кармана леденцы. Один обронил в воду, и чебаки ринулись к нему. Какой-то даже выпрыгнул на лист кувшинки.

С высокого мостика ныряли вниз головами Мишатка Каблуков и Серёжа Рогов, приехавший из города погостить к бабушке. Едва мы подчалили к берегу, Дёмка и Валька тоже взобрались на нырялку. Началось состязание. Серёжа даже делал сальто — кувыркался в воздухе. В этом никто не мог потягаться с ним. Устроили заплыв до другого берега и обратно. Серёжа пришел первым.

— Лихо! — одобрил я. — Где так навострился?

— Да я в секции плавания третий год занимаюсь, — объяснил Серёжа.

— Нравится тебе в деревне?

— Ещё бы! Хотя, правда, сперва сбежать хотел.

* * *

Когда Серёжа уезжал из дома, мама нахваливала: — Тебе понравится в деревне: лес, речка... Будешь загорать, ловить рыбу, земляника сейчас поспела...

Но Серёже скоро надоело всё это. Ловить рыбу? У него не было удочки, да и мест добычливых он не знал. Завидев Серёжу, ребята всякий раз кричали:

— Городяшка-задавашка!

Почему — задавашка?! Серёжа и не думал задаваться, просто ему было скучно.

И Серёжа запросился домой. Сколько ни уговаривали его, настоял на своём. Осталось дождаться утреннего автобуса. Чтоб не проспать, лёг раньше обычного.

Вещи с вечера уложила бабушка, так что на завтра осталось выпить стакан молока, взять чемоданчик и идти.

День обещал быть жарким. Солнце уже поднялось над крышами и сияло ослепляюще. На траве вспыхивали крохотные искорки, гасли, вместо них тотчас загорались новые, ещё более яркие.

Серёжа остановился. Никогда он не видел зрелища красивее. Склонившись, хотел рассмотреть искорки поближе, а они погасли, обернувшись обыкновенными росными капельками. Но лишь распрямился, искорки опять, словно поддразнивая, мигнули лукаво.

Серёжа и про автобус забыл. Прямо перед ним на черёмуховой ветке драчливо ерошил перья воробьишка. У клюва присохла лимонная корочка. Где только сумел подцепить её?

Щёлкнул пастух кнутом — и воробьишка улетел. Веточка покачалась, покачалась и замерла.

Сверху, из листьев, выглянула пятнистая мордочка кошки Харитиньи. Вон кто охотился за шустрым воробьём! У-у, злюка! Ишь как шевелит усищами!..

В это утро Серёжа на автобус опоздал. Ладно уж! Завтра можно уехать. Он побежал на реку. Увидел купающихся мальчишек и, сбросив одежду, поплыл к ним. Мальчишки на этот раз не дразнились. Один из них, остроглазый, крепкий, с прилипшими вихрами на лбу, удивился:

— Ты наразмашку плавать умеешь?

— Кролем,—поправил Серёжа.—И брассом могу.

— А ну покажи!

Потом они ели землянику в бору, выслеживали ужа-краснобровку, лепили из глины замысловатые фигурки. Искупавшись, ложились на песок, подставив солнцу спины. Серёже было так хорошо! Нравились новые друзья, нравился зелёный светлый мир без грохота и пыли...

Хорошо, что опоздал на автобус!

* * *

Раньше кроме рыб разве что жуки-плавунцы водились у нависшего над водой тальника. Но их никто не боялся. Лишь после того, как «водяной» укусил Дёмку, купаться в этом месте перестали. Дёмка показывал рану: глубокая, с рваными краешками...

Совсем безобидной была Варакша, а теперь стали замечать, что странно шевелятся и исчезают у обрыва водоросли, как подрубленные, сваливаются тальники, а в берегах зачернели норы.

Прояснить загадку помог охотовед из города. Зашёл в сельсовет и спросил председателя:

— Ну, как мои ондатры, прижились?

Председатель рассказал о происшествии. Приезжий удивился.

— Самый мирный зверёк... Камышом, рогозом питается. Где можно увидеть этого пострадавшего?

— Вон они, неразлучные, — показал в окно председатель.

На противоположной стороне улицы Дёмка с Мишаткой мастерили луки.

Приезжий подошёл к ним. Долго они разговаривали. Ребята узнали, что он — охотовед и что охотоведы зверей разводят и охраняют их. Что ондатра — житель Северной Америки. К нам в страну её завезли в 1927 году. Живёт она чаще в норах, но иногда строит выступающие над водой конусообразные хатки...

Дёмке захотелось увидеть зверьков.

— Давай ближе к вечеру, — сказал новый знакомый,— когда ондатры на ужин выйдут.

Переждав время, они спустились к Варакше.

Поверхность речки была сплошь устлана листьями кувшинок.

— Не шумите! — приказал охотовед. Прошло не-

сколько минут, и вот в воде что-то шевельнулось. Ряска дрогнула, всплеснулась, и показалась мордочка с зажатым в зубах толстым корневищем.

Выбравшись на берег, зверёк принялся разрывать волокнистую ткань. Он был песочной окраски, с боков бурее. Хвост плоский, лопаточкой...

Покончив с корневищем, ондатра юркнула в воду. Снова загуляла ряска.

— Где они поселились? — спросил охотовед озадаченно.—Случаем, не примечали?

— Как же,—с готовностью откликнулись ребята. — Приметили.

— Нда-а, оползает берег, — сокрушался охотовед, увидев завалившуюся, покинутую зверьками нору.

— Вот что, созывайте друзей, прихватите гвозди, топоры—плотик строить будем.

Ребята что есть духу припустили к деревне. Вернувшись, принялись срубать талины, очищать от сучьев. Сколачивали плотики и крепили их на сваях.

Охотовед лез в самую глубину. Он оказался очень весёлым человеком и смешно представлял в лицах покушение «водяного» на Дёмку.

Плотик построили быстро. Ребята были рады, а охотовед вздохнул озабоченно:

— Трудно всё же придётся ондатрам. Они выстроят хатку на плотике, а бродячие собаки зимой тут как тут, нагрянут по льду, расцарапают крыши и уничтожат зверьков. Под охрану бы хатки надо взять.

— А давайте, мы охранять будем! — с готовностью отозвался Дёмка. —

Мы специальный отряд по защите организуем!

— Ну, раз отряд, тогда и командира придётся избрать. Кого?

Мишатка указал на Дёмку.

На том порешили. Собрались уже уходить с речки, как увидели,что на плотик взобралась пара зверьков, принялась обследовать строение. Видимо, понравилось. Ондатры юркнули в воду, вернулись с комочками ила в лапах, который размазали по плотику. Принялись хатку строить.

* * *

Полдень уже. Жарко. Плывём от ондатровых хаток домой, втаскиваем бат на берег и по тропке в гору — после купания освежённые, проголодавшиеся.

Я пригласил ребят пообедать к себе. Удочку Валька оставил возле сеней. А когда мы вышли во двор, её не оказалось на месте.

Леска на удилище незамотанная была, на крючке насажен червь, курица его и проглотила. В испуге забилась под сени. Удочку туда же утянула.

Мы отрезали леску, но решили: конец хохлатке...

А курица успокоилась, принялась клевать зёрна. Крючок с остатком лески ничуть не тревожил её.

Значит, жива останется! В следующий раз Валька леску незамотанной оставлять не будет. Во всём требуется аккуратность.

НАШ ЖИВОЙ УГОЛОК

Одна из ондатр, видимо, заболела, что-то случилось с ней — не бегает, не плещется в воде, лежит на бере-

гу, вяло прикрыв глаза...

Братья принесли ондатру домой, стали выхаживать, и скоро она начала поправляться.

Как-то ребята отправились за тальником, чтоб накормить гостью. Возвращаются — она исчезла. Куда подевалась? Случайно бросили взгляд на таз с водой и увидели в нем ондатру. Хитровато поблескивает глазками: мол, спряталась.

Спустили ей принесенные веточки. Ондатра принялась их грызть, как ножницами перестригать.

Скоро ондатра освоилась в доме, даже отзывалась на кличку — Машка. В обед усядется возле стола и ждет, чем угостят. Поест, примется наводить туалет. Послюнит лапку или обмакнет ее в таз с водой, трёт до блеска шубку.

Борзан снисходительно позволял Машке обнюхивать себя и даже играть хвостом, который Машка принимала, наверное, за бечевку и пыталась утащить под кровать.

Решили ондатру выпустить: возвращайся в родную стихию! Машка — за порог и была такова. А под вечер — легкое царапанье. Открывают дверь — она, Машка!

После дождя на дороге осталась лужа. Машка выбиралась на улицу и купалась в луже. А когда лужа высохла, стала путешествовать на речку. Никак не устраивал Машку таз с водой.

* * *

Еще для нашего живого уголка принес я белочку. В природе часто встречаются белые чайки, реже — голуби, очень редко — вороны (есть и белые вороны!), но чтобы белка... Такое раз в десятки лет увидишь!

В бору упала сосна, а в ней было дупло. Бельчата разбились, лишь одна белочка чудом уцелела.

Подобрал я ее: уж очень шубка приметная, живо сцапает какой-нибудь хищник!

Дёмка с Валькой раздобыли ящик из-под печенья, заполнили мохом. Гнездо себе белочка — мы назвали ее Снежинкой — устроила сама. Прокопала ход в норку. Юркнет в неё, заткнет отверстие, подремлет. Потом выставит наружу мордочку с глазками-бусинками, пошевелит усиками, соображая, и — шасть на кухонный стол. Без стеснений — что есть! — принимается уплетать. А то заберется к Дёмке или Вальке на плечо — хвост выгнут кренделькoм, ушки насторожённые.

Снежинку — красавицу нашу — невзлюбила кошка Харитинья.

Во избежание беды соорудили мы во дворе возле бани для белки дощатый пристрой. Снежинка смотрела в оконце на двор, где грелась на солнце Харитинья, брезгливо подёргивала усиками. Это злило Харитинью.

Хитрюга жмурилась, как от яркого света, и притворно-лениво мела хвостом пыль.

На чердаке бани квартировал большой ушастый филин. Днём он обычно молчал, а только спускалась ночь, принимался ухать по-страшному.

В конце концов Прокопий открыл поутру чердачную дверцу, кышкнул филина шестом. Но ушастый ни за что не хотел улетать. Взгромоздился на крышу и так торчал бурым пнем: ждал, когда накормят его.

Во дворе блаженствовала Харитинья: подставляла солнцу бока, переворачивалась вверх животом. И вдруг — ухх! — потемнело над ней, ударило сверху, под рёбра. Харитинья взревела от боли. Когти у филина цепкие. Изогнувшись, кошка пыталась укусить обидчика.

Ушастый в конце концов выпустил добычу, но все-таки порядком досталось Харитинье.

А Снежинка — видно в оконце — прыгает, подёргивает усиками, словно смеётся. Харитинья отвернулась от нее, на филина косит взглядом. Ушастый на крыше

перебирает клювом потрепанное оперенье. В другой раз, пожалуй, не бросится на кошку.

Из избы показалась хозяйка, принесла молока для Снежинки. Ушла, а отверстие, через которое ставила блюдце, позабыла задвинуть чурбачком. Белочка юркнула наружу. Пробралась в огород, затаилась под лопухами. В них продремала всю ночь.

На рассвете, сжигаемая местью, Харитинья поднялась на баню и молнией ринулась на филина, сшибла с крыши.

Ушастый поспешно взлетел.

Довольная Харитинья отправилась в огород половить мышей и тут наткнулась на белочкин след. Снежинка вовремя заметила Харитинью и бежать, что есть силы. По земле кошка бы догнала белку в два счета, но на счастье — изгородь. Снежинка — по ней...

Прокопий лошадь водил поить на речку, смотрит: клочок бумаги, что ли, гонит по изгороди, хоть и безветрие полнейшее? За клочком мчится Харитинья.

Филину с крыши тоже всё видно...

И тут Снежинка в изнеможении свалилась на землю. Харитинья бросилась на нее. В ту же минуту когти филина вцепились ей в спину. Подоспел Прокопий. Прогнал кошку. Филина посадил на плечо, отнес на прежнее место. Сказал хозяйке:

— Он сейчас Снежинку спас. Пусть живет у нас.

* * *

Заболел Дёмка. Он лежал в постели, укрытый одеялом, и стонал.

Чтобы не беспокоил его солнечный свет, окно мать прикрыла ставнями. Дёмка очутился, как в мешке, сдавленный тишиной, теменью. За дверями на цыпочках прохаживалась мать, ни за что не хотела впустить друзей к Дёмке.

Лишь Мишатке Каблукову удалось прорваться. Он сказал: "Я только поставлю и уйду".

Был Мишатка заядлый птицелов. Дома у него водились самые разные пичуги: овсянки, снегири, синицы. Но больше всего любил Мишатка чечеток. Их было две. Обе серые, чуть меньше воробья. У каждой на головке по красному лоскуту, под грудью мазок бледнее.

Вот этих-то чечеток и принес Мишатка больному. Птички сидели присмиревшие. В комнате было темно, и они решили, что наступила ночь, а ночью следовало спать.

Потом чечеткам надоело ждать, захотелось утра, песни. Она у них простая: чив-чив...

Дёмка услышал щебет. Превозмогая слабость, повернулся к невидимым певичкам.

— Чив,— разносилось по комнате,— чив-чив...

А Дёмке казалось: жив! жив!

"В самом деле, чего это я расхворался?" — подумал он и попросил распахнуть ставни. На стенах озорно заиграли солнечные зайчики. Чечетки радостно приветствовали их.

Дёмке захотелось, чтоб от-

крыли и форточку. Мать всполошилась: да разве можно! Просквозит! Но по Дёмкиным щекам растекался румянец, силы возвращались к нему. Дёмка поднялся. Шатаясь, сделал шаг первый после долгого лежания, неуверенный. Этого не видел никто, кроме чечеток, подбадривавших Дёмку веселым чив-чивканьем.

Он подсыпал невеличкам конопли, хлебных крошек, менял в блюдце воду. До тонкостей изучил повадки и, если чечетки сидели нахохлившись, не притрагивались к еде, говорил:

— Будет дождь!

И правда, надвигались тучи, принимался сыпать дождь-бусенец, мелкий, как конопля.

Перед хорошей, ясной погодой чечетки, наоборот, веселели. Дёмка, глядя на этот живой барометр, приготавливался идти на улицу. В палисаднике вешал клетку на тополек. Солнце ласкало птичек лучами, золотило им перышки.

— Чив,— радовались чечетки.

Дёмка отвечал им:

— Жив!

Мишатка сидел на скамейке под топольком и подсвистывал чечеткам. Он и щебету щегла подражал отлично.

— Почему у снегиря грудь облита малиновой водой? — спрашивал вдруг Дёмку.

— Не знаю.

— Сережка Рогов тоже не знает... Вообще почему-то разные птицы в разные цвета окрашены.

— Для маскировки, наверное.

— Но какая же у снегиря маскировка?! Зарей горит на снегу.

— Может, чтоб они отличали друг друга?

— А ведь и правда! Иначе бы перепутались все...

* * *

Под гору, где тропка, валят навоз. Он гниет, превраща-

ясь в черную, рыхлую землю. На ней буйно, сплошной стеной поднялся конопляник. Зайдешь в него — и как в темном лесу. Когда поспевают семена, клевать их слетаются овсянки, щеглы, синицы. Но особенно много воробьев. Они появляются всегда стаей, рассаживаются шумно, с чириканьем и принимаются за свой веселый завтрак.

Братья пуляют в воробьев из луков.

— Да что вам, конопляных семян жалко? — стыжу их.— Зря только осыпаются. А стрелять по беззащитным птахам просто не по-мужски...

— Мы это так, для интересу. Нам бы воробья живого подержать в руках...

— После стрелы какой уж живой! Берите вон ловушку да и настораживайте.

— А приманить чем?

— Можно хлебом, но лучше — вареным картофелем. Раскрошите его мельче.

Пока Дёмка лазил на чердак за ловушкой, Валька принес из избы картофелину. Втроем мы нырнули в заросли. Пристроили ловушку на коноплины, ждем.

Небо что-то хмурилось, и воробьи не показывались; юркнул у ног бурундучок, сел столбиком на задние лапки, умывается.

Валька нацелился пустить в бурундучка стрелу. Я успел отвести руку, стрела пролетела мимо.

Мы с Дёмкой рассердились на Вальку за то, что вспугнул бурундучка. Интересно было наблюдать за ним. Теперь вот пусто, даже воробьев нет.

Вдруг их десятка полтора упало на конопляник. Прыгают, чивкают, но к ловушке близко не садятся. Лишь один, с выдранным хвостом, порхнул бесстрашно к дверце-захлопушке, задел спуск, и она прикрылась.

— Вот и есть! Вот и поймался! — выскакиваем из засады.

Воробьишка бьется о проволочные стенки — выбраться хочет, да где там, преграда кругом. Понапрасну ищет лазейку, не пролезть между проволоками. Но воробьишка всё-таки пролез, и только мы его и видели. Улетел!

КАК РЯБЧИКИ УМЫВАЮТСЯ

Валька одно время неохотно умывался. Мать подает мыло, он — в слезы.

— Ест глаза-а...

— Ты их закрывай.

— Все равно ест...

Говорю как можно осудительнее:

— Так вот грязнулею и останешься. Удивительно, в кого ты уродился — чистоту и утята любят, и рябчата...

— Про рябчат откуда знаешь? — перестает хныкать Валька.

— А вот знаю.

— Скажи-и.

— Лучше покажу. Вставай утром завтра пораньше.

На косогоре близ дома выкопана неглубокая яма. Песок брали из нее. Рассыпчатый, как сахар. Его и сейчас еще осталось немало.

Сложили мы из земляных комьев укрытие и засели в нем с Валькой. Ждем. Заря на другой стороне речки поднялась над бором, красным закрасила воду. Валька тянет:

— Где рябчатки?

— Погоди, — утешаю, — последние сны досматривают.

Нахохлился. Подремывает.

Вдруг из бора через речку переметнулся ершистый клубочек — пырх! — обернулся на краю ямы бравым пестрым петушком.

Толкаю Вальку.

— Гляди.

Петушок спрыгнул на дно ямы, пробежал немного и уселся, как курица. Выгребает из-под себя песок, топорщится. На клюве у рябчика присох черничный сок — значит, ягодники близко! Взять надо на заметку.

К петушку тем временем еще три брата присоединились, то-то началось купание! Золотистые фонтанчики так и взлетают вверх.

Валька глаза раскрыл от удивления, забыл обо всем на свете.

— Я теперь каждое утро умываться буду, — шепчет.

— С мылом?

— Да,— кивает.

СИНИЙ БОР

Дёмка забрался на крышу дома и пускает стрелы из только что сделанного верескового лука.

Стрелы вонзаются то в морковные гряды, то в картофельные загоны. Иногда они летят на пешеходную, возле огорода, тропку. Вдруг оттуда с плачем поднимается Валька, лоб его расцарапан.

— Скажу мамке, задаст.

Скажешь — получишь.

— Скажу-у!..

Матери Дёмка побаивается. Она строгая, даже поколотила его, когда куры нахозяйничали в огороде. Вальке, как младшему, прощается любое ротозейство. Лучше не связываться с любимчиком!

Дёмка спустился с крыши, подобрал рассеянные тамсям стрелы и припустил под гору. Через речку перебрался вброд. Шарахались из-под ног стайки рыбешек. Колыхались омываемые струями водоросли. Между ними проглядывало песчано-илистое дно. Течением намыло крохотные дюны. Дёмкины ноги разрушали их.

Ступая осторожно по пустоши, усаженной колкими былинками, Дёмка направился в проушину, похожую на пересохшую речку, дно которой заполонил кустарник. Он хранил Дёмкину тайну — шалаш. В шалаше — луки, стрелы, два меча.

Возле шалаша — расчищенная для тренировок полянка-стрельбище. Мишень — тетрадный лист с нарисованным посредине карандашным кружком. Дёмка пристрелял лук с десяти шагов, затем с пятнадцати, еще отступил... На полянке пускал стрелы и из кустарника, с места и на бегу. Устав, прилег в шалаше, задремал. Когда проснулся, уже вечерело. Солнце бросало по верху сосен ярко-оранжевые негреющие лучи. Густо вились комары. Отмахиваясь от них, Дёмка пошел к дому. Миновал плотный, как частокол, осинник. От него на особицу, точно чураясь, по склону пахучий, с резными листьями смородинник. В одном месте встретилась поваленная по-

перек ложка сосна. Надломилось дерево, рухнуло — получилось вроде навесного моста. Дёмка перебежал по нему на другой берег. Было здесь пустынно, тихо. Малинник разросся буйно и теперь гнулся под тяжестью крупных спелых ягод.

Дёмка тронул ветки — одну, другую...

Вдруг серенькое, полосатое – швырк! – из-под ног и на дерево. Бурундучок! Уставился глазенками, не мигнет.

Дёмка нарочно не обращает на него внимания, насвистывает ходит.

Полосатик успокоился, юркнул вниз и давай трудиться: ветку малины нагнет и ягоды лапочкой - в рот. За щеками у него специальные мешки. Он их набьет дополна, сбегает куда-то, высыплет малину и тотчас же возвращается обратно.

Любопытно стало Дёмке. Проследил он за бурундучком и обнаружил нору. Незамаскированная даже, тут, на берегу.

Понял: припасы готовит зверюшка. Надо помочь! Набрал горсть ягод, положил их возле норы, сам наблюдает.

Бурундучишка прибежал, обнюхал малину, не удивился, а воспринял услугу как должное. Перекатал ягоды в кладовую и не уходит, ждет: понравилось, видно.

Делать нечего, пришлось включаться в работу. Так и трудились они вместе. Хватит теперь бурундучку пропитания на всю зиму!

* * *

Через дубравы длинной узкой грядой пролег сосняк. Его в отличие от заречного бора именуют ласково - борок. Спокойно, мирно в нем. Насвистывает мелодично зяблик, рассыпает серебряные звоны пеночка-теньковка, и чечевица спрашивает кого-то: "Чечевицу видел? Чечевицу видел?" Дятел колотит: тук-тук-тук.

В полувысохшей сосне у него “кузница”. Отвалился сук,- и на его месте в стволе образовалась пустота. Дятел вставит в нее шишку и извлекает семена. Некоторые из них падают на землю и прорастают деревьями.

Об этом мы догадались, увидев молодую, поднявшуюся возле “кузницы” поросль.

Когда-то два семени легли здесь рядом, почти вплотную, и зазеленевшим, как бы из одного корня, сосенкам теперь тесно.

Сосенки рады бы разойтись, да не могут: ветви перемешались, корни переплелись. Расталкивают друг дружку, отвоевывая место.

Сосенку, которая слабей, мы выкопали и привезли с собой, поселили в палисадник перед окнами Гущиных — развивайся на просторе! А то у вас у двоих не жизнь — маета.

ПОПАЛАСЬ!

Ребята ловили щучек.

На конец удилища прикручивают проволочную петлю — силяло, и снасть готова. Заметив стоящую у берега щучку, наводят на неё петлю и дергают.

Дёмке не везло. У Мишатки с Сережей добычи — полные ведерки. Валька — и тот с рыбой. А у Дёмки ровным счетом ничего.

Бывает же такое невезение!

Дёмка упрямо шагал дальше. Неожиданно заводь колыхнулась волнами, и Дёмка увидел уплывающую в глубину здоровенную щуку. Чуть не заплакал: опять проморгал.

Уже безо всякого желания проплелся берегом мет-

ров сто и вернулся обратно. Когда проходил мимо заводи, вода в ней колыхнулась снова, и щука серой тенью стрельнула в омут.

Что-то притягивало её.

Дёмка разыскал дома проволоку потолще, сделал из нее петлю и под утро снова припустил к заводи.

Брезжило.

От воды поднимался зыбкий густой туман. Роса леденила босые ноги. Дёмка встал у воды так, чтобы тень падала на берег.

Заводь спала. Смоляная поверхность ее была непроницаема, а с рассветом посветлела: обозначились дно, водоросли, вросшие корнями в ил. У Дёмкиных ног резвилась стайка мальков. Крохотные рыбешки сновали взад-вперед, заплывали в коряги. Вдруг одна из коряг шевельнулась, раскрылась зубастая пасть.

Так вот зачем ты явилась сюда, щука!

Окунув петлю в воду, Дёмка подвел ее к хищнице. Немигающие глаза уставились на приближающийся проволочный кружок. Петля скользнула на щучий нос, миновала жабры... Пора!

Дёмка что есть силы рванул силяло. Петля лопнула, и щука шлепнулась на берег. Цепко впились ей в жабры Дёмкины пальцы: не вырвешься!

Перевалив щуку через плечо, Дёмка зашагал домой гордый. Как раз поспел к завтраку.

БУБЕНЧИКИ

Дёмка бруснику почему-то называет “бубенчиками”. Я пробовал допроситься, но он односложно ответил:

— Звенит.

Брусника густо усыпала кочки, красно было от нее. Мы поели, наполнили ягодами карманы, как вдруг Дёмка приложил палец к губам. Близко, за кривоствольной сосенкой, разбрелся тетеревиный выводок. Запоздалый какой-то, обычно в эту пору птичий молодняк уже поднимается на крыло. А тут пуховые шарики катались с кочки на кочку, срывали клювами брусничины. Ягоды покрупнее проглотить не могли, расклевывали их. Попискивали от удовольствия — еще бы! — ведь действовали совершенно самостоятельно, хотя и не без присмотра матери-тетерки, нас по счастливой случайности не заметившей.

Один шарик подкатился к Дёмкиным ногам. Дёмка накрыл его ладонью. Птенец запищал, начал вырываться. Тетерка с треском рванулась лететь.

Дети ее замерли, где кого застал сигнал тревоги. Дёмка выпустил пойманного. Тетеревенок успокоился, принялся тормошить ягоды. Беззаботный, тонкий голосишко разносился в воздухе.

Тетеревенок не знал еще жесткого закона леса: скрывайся от чужих глаз, трепещи перед сильными. Он хотел равноправия. И сестры его, и братья подняли головки и, не обращая внимания на тревожное квоктанье матери, посеменили на алые глазки брусничин. Вздорить уже умели. Ягоду, не поделив, с разных сторон тянули каждый к себе. Один смельчак и любопытник, перевалившись через

полусгнившее деревце, очутился рядом с нами. Мы расценили это как желание познакомиться.

Через деревце к нам карабкалась остальная тетеревиная ватага.

— Звенят! — мигнул мне Дёмка.

— Да еще как! — на этот раз согласился я.

В СЕНОКОС

Прокопию нужно сено для коровы. Хозяйка целый день занята на птицеферме, одному не заготовить корм. Попросил помочь меня. Увязались со мной и Дёмка с Валькой.

Мы впрягаем в телегу прыткую костистую кобылу и катим полевой дорогой вдоль речки. Минуем Шайтанку — ручей, упрятавшийся в непролазную осоку. За Шайтанкой дорога ныряет в березняк. На грани его с полями высится каланча. Самые длинноствольные деревья кажутся против нее подростками. Влезаем с Дёмкой по лестничке на обнесенную деревянными перилами крохотную площадку. Волнуется под ногами живое лесное море, простерлись вдаль желтеющие хлеба. Округа как на ладони. Сколько простора, какая красота!

И должны мы беречь эту красоту: лес, речку, небо над головой, колосящиеся хлебами поля. За все мы в ответе: за каждый кустик и крохотную травинку.

Прокопий ждет нас на стану. Его раненая грудь сегодня ноет. Прокопий морщится и предполагает:

— К непогоде.

Рассвобождаем кобылу, принимаемся грести улежавшиеся валки. Черными пулями носятся вокруг пауты,

норовя укусить. Из сломленных грозой молодых берёзок делаем волокушу, в неё впрягаем кобылу, и Валька взбирается ей на спину — править. Я складываю сено на волокушу. Дёмка подбирает граблями остатки, а Прокопий мечет сено в стог.

Но вот копны свезены в одно место, и я присоединяюсь к Прокопию. Ребята на стогу уминают ногами сено, их самих едва в нем видно.

Из-за горизонта появляются темные облачка, сцепляются воедино, и вот уже туча вполнеба.

Спешим дометать стог. Чтоб сено не разнесло ветром, на верхушку стога бросаем связанные друг с другом прутья.

Капли тяжелые, крупные, ударяют по шеё, лицу, темными пятнышками обозначаются на рубахах.

Снимаем телегу с передка, приставляем наклонно к берёзе и прячемся, как под крышей. Дождь хлещет по доскам. Сплошное буйство струй! А когда дождь перестал, выписалась на небе радуга. Яркая. Звонкая. Кажется, потрогать её можно, взбежать по ней, как по тропке.

Пока сено сохнет в валках, отправляемся по грибы, бредем в полеглой, сырой траве. И грибы — мокрые, прохладные. Прячутся в зеленой густоте, когда и наступишь на них.

— Во, какой груздь! С колесо! — веселый выкрик Вальки.

— Сюда! Здесь волнушки! — зовет Дёмка.

Прокопий, наполнив корзину с верхом, принимается варить грибницу. Что это за объедение на свежем воздухе! Располагаемся хлебать грибницу в тени берёзы. С берёзы срывается чистая, почти бесцветная капель. Сквозь влажную листву радужит, проблескивает солнце. Быстро накаляет пространство. От кобылы поднимается пар. Хорошо!

НА ИСХОДЕ ЛЕТА

Я купил лодочный мотор “Вихрь”, поставил его на бат. У нас было давнее желание: разведать исток речки, найти место, где она берет начало. Теперь такая возможность есть.

Запаслись продуктами на несколько дней, бензином для мотора, вооружились: у меня — двустволка; у Дёмки с Валькой — луки.

Четвертый член экипажа — Борзан, рослый, чуткий: разыщет и пронырливого колонка, и рябчика на дереве или затаившуюся в траве куропатку.

Отчалили мы вверх по течению. Мотор жужжал, как гигантский шмель, пенил винтом воду. Мне оставалось направлять бат серединой, где глубже.

Борзан, как вперёдсмотрящий на корабле, уставился вдаль: что там, за новым поворотом?

Под вечер показалась избушка Прокопия на прибрежной полянке. Сам хозяин, заслышав стрекот мотора, вышел на берег встретить нас. Принес с пасеки меду и усадил за стол. Мы пили чай, ели мед вприкуску с хлебом — вкусно! Подкрепившись, выбрались на крылечко.

Жужжали мирно пчелы, пряно пахли цветы. От избушки в лес утягивалась дорожка. Влево от нее — звонкие сосняки, вправо — березняк.

Несколько деревьев забралось в ограду около избушки. Между ними суетились проворные молодые курочки и петушки.

— А где же их мать? — полюбопытствовали ребята.

— Нет ее, — пыхнул дымком самокрутки Прокопий. — Присматривала за цыплятами тетерка...

* * *

Прокопию скучно было одному в избушке. Завёл курицу и Харитинью переправил сюда же — всё веселее. Курица всему задавала тон: клук-клук... Прокопий положил в лукошко десяток яиц. С того дня Клоктушка исправно сидела на них. Даже корм клевала с гнезда. Цыплята вывелись — чудо! Крепкие, ладные, семенили по двору желтыми катышками. А Клоктушка возле важная-преважная, строгая. Пробовала Харитинья поозоровать с цыплятами, так курица чуть не расшибла грудью.

Однажды желтышков высмотрел коршун. Мать храбро бросилась их защищать. Коршун унёс курицу неведомо куда.

Пришлось взять осиротевших в избу. День-два, ну, а что дальше? Смотреть за ними некому...

В эту ночь полыхнуло над лесом зарево, потянулись хвосты дыма — пожар! Прокопий всю ночь сражался с огнем. Утром побрел к избушке. Вспомнил, что в спешке забыл прикрыть избяную дверь. Цыплята разбрелись, конечно, не сыщешь теперь.

Каково же было его удивление, когда нашел жёлтышков целыми-невредимыми... Цыплятами верхо-

водила тетёрка.

Увидела человека, растерянно закрутила головой, не зная, улетать ей или оставаться на месте.

Прокопий зашел в избушку, наблюдая, что будет. Рябенькая вынырнула из куста: ко-ко, успокойтесь, дети, его не видно! Жука на крохотные частички делит: всем поровну, не жадничайте!

Вот так заботливая родительница! Значит, своих детей потеряла в пожар, прибилась к чужим. И цыплята приняли ее за свою мать.

Рябенькая потом каждый день появлялась. Цыплята принимали ее за свою настоящую мать. Чтоб тетерка не увела их в лес, Прокопий заделал щели в ограде.

* * *

Переночевали мы в избушке и снова в путь-дорогу! Прокопий проводил нас до берега, предостерег:

– Вы поосторожней. В Лайминских болотах водятся медведи.

Речка сузилась, истаяла до ручья, пришлось бат оставить. Лес потянулся смешанный, низкорослый и такой густой — непролазная чаща. Кажется, не ступала здесь человеческая нога.

Вот затопленный водой островок. На нем — муравейник. Обитатели выбрались в верхние, сухие пока этажи, ждут своей участи.

Я вырубил березовую жердь и перекинул её от муравейника на берег.

Муравьи не устремились по ней скопом, пустили вначале разведчиков, которые осторожно двинулись по жерди. Пробегут немного, остановятся, словно советуясь. Еще пробежка. Еще. Добрались до сухого "материка" и обратно — оповестить собратьев: мол, всё в порядке.

Эвакуация началась. Впереди те самые разведчики; за ними — слабые, увечные муравьи и муравьихи, недавно вылупившиеся из личинок муравьята. Кто сам передвигаться не может, того тащат здоровые, сильные.

В середине процессии повздорили два забияки, сцепились, теснят друг друга . Их без суеты сопроводили на осоку, и там забияки пережидали всю процессию.

Пробовали юркнуть в общий поток, но их водворили на прежнеё место. Да еще тычков надавали. Такая строгость!

Веселей нам стало. Не такой уж лес угрюмый. Много в нем всяких жителей трудолюбивых, занимательных. И вовсе не злых.

* * *

На ночлег расположились у костра. Борзан охранял нас. Среди ночи он вдруг с лаем метнулся в темноту. Кто-то шарахнулся, ломая деревца. Борзан вернулся, учащенно дыша, подрагивая от возбуждения, улёгся, положив голову на вытянутые передние лапы. Значит, всё спокойно. Утром мы обнаружили у ручья следы, похожие на коровьи: лось приходил пить. Это его шумнул Борзан.

Деревья постепенно редели. Остался кустарник. Ру-

чей петлял в нем, исчезал, как сквозь землю проваливался. И провалился! Искали, искали — пропал! Выручил Борзан. Томимый жаждой, он ковырнул носом мох и принялся лакать воду.

Мы бросились к этому месту и увидели выбивающийся снизу ключик.

Да ведь это же исток! Молодчага, Борзан!

Я из двустволки салютовал находке. Валька пустил стрелу, которая описала кривую и упала в малинник. Валька — за ней. Вдруг видим, торопится, запыхавшийся:

— Там медведь!

Не напрасно предупреждал нас Прокопий. Лучше не связываться с Топтыгиным, уйти по-мирному.

Так и сделали.

Бат нашли на прежнем месте в целости-сохранности. Сели в него, и заговорил мотор, забулькала вода.

На волнах качались опавшие листья — первые ласточки придвигающейся осени.

ЗОЛОТОЙ ОСЕНЬЮ

От Макарьевского омута в бор вторгся березняк, бодрится на возвышении. Летом зеленый, а как сентябрь — появляются желтые промоины. Из них позднее целое половодье разливается.

В ясный тихий день вышел я из дому, глянул и до того понравилось, что бросил самые неотложные дела и – к березнячку. Он, посветлевший, желтобокий, распахнул приветливо двери, дожидается: входи, мол, дорогой гость! Это он издали кажется сплошным, неприступным, на самом деле деревья на расстоянии друг от друга стоят, вразбеж-

ку.

Места хватает, света много. Потому кроны курчавые, почти правильной шарообразной формы. Поредели, правда.

Листья кружатся, листья падают.

Много их насыпало, земли не видно даже. Нога тонет, как в перине. Мягко, неслышно совсем. Улавливается лишь лёгкое шуршание под сапогом. В остальном идеальная тишина.

Меж берёзок — коридоры широкие. Трава в них полегла, заровняла ямки-колдобины, получился ровный гладкий пол. Прыгают по нему две рукавички, большими пальцами пошевеливают. Откуда ж им тут взяться? Не рукавички, конечно, зайчики-листопаднички. А уж схожи очень с рукавичками. Куда бегут, неизвестно. Задирают друг дружку, тычут мордочками, колотят лапками, как повздорившие мальчишки. Один затаится, второй разыскивает.

Вновь резвятся. На частые блёстки сверху никакого внимания.

Пень, на котором сижу, обежали. Понизу смотрят. Ноги увидели, тоже, видно, за пни приняли. Почесались бочками, на сапогах оставили шерстинки. Спинки у косенят белые, как помазанные извёсткой. Перекрашиваются, чтоб зимой легче прятаться было. Врагов предостаточно.

Заметила зайчишек сойка и давай трещать на весь лес, разбалтывать. Ни минуты не усидит на месте. Крутится, как сорока на колу.

Косенята-шмыг-в смородник и были таковы. Попробуй разыщи.

Улетела сойка. Солнце будто сдвинула крылом. Садится оно. Сумерки высыпали в коридорах. Робкие, неуверенные пока. Сливают тона в однообразно-серый, расплывчатый. Домой пора. Попался на пути рыжик величиной с пятачок и в земле весь. Наружу одна шляпка торчит. Сковырнул, понюхал, аж слеза про-

шибла. Ударили в нос перебродившие, ядрёные, как сам рыжик, запахи. Что добрая вечерняя сказка, взволновали!

До будущего года, Золотая осень! Я приду полюбоваться прощальной красой твоего наряда. Может, снова встречу здесь листопадничков, поздний гриб найду.

А если березнячок и вырубят, то он всё равно останется жить, потому что художник Левитан однажды подсмотрел такой же и переложил в красках на полотно. Потому березнячок вечный.

* * *

Дёмке из времен года тоже больше всего по душе осень. Лес становится яркий: желтый, красный, коричневый.

В небе косяками проплывают журавли и куда-то зовут: курлы-ы...

Запрокинув голову, Дёмка смотрит на них. Ему наскучили улица, дом, двор. Речка не радует. И в разбойники играть надоело.

— Дядя Коля, ты на охоту? — спрашивает меня.

— Точно. Могу тебя взять, если желаешь.

Дёмку уговаривать не надо. По-взрослому рядом вышагивает.

— Почему сосновые иголки не опадают, как листья? — спрашивает.

— Они тоже опадают, только не все разом. Постепенно. Одни нарождаются, а другие умирают, потому хвойные деревья вечнозеленые.

Дёмка принимается рассматривать сосновую веточку и на самом деле замечает среди зеленых засохшие, легко осыпающиеся иголки. Ниточки паутины залепляют глаза. Большой ногастый паук удирает вверх. Сеть у него здесь соткана была.

Так всё хорошо, красиво, что прикасаться даже жал-

ко.

Дёмка замер: навстречу семенящими шажками бегут три пестрых петушка. У Дёмки ружья нет. Если крикнуть мне, улетят. А петушки, снуя между деревьями, клюют бруснику. Пошевелился Дёмка – фрр! – словно не бывало их.

— Дя-дя Ко-о-ля! – кричит Дёмка. — Рябчики сейчас слетели.

— Ты бы их кепкой...– смеюсь я. — Не беда: еще встретим, — нагнувшись, срываю кисточку брусники и подаю Дёмке: — Держи. Витаминная.

Над нами в синеве, курлыча, пролетают журавли, словно зовут к новым неведомым мирам, которые предстоит открыть.

ЗИМА

Выпал снег. По чистому полю протянулись печатки следов. Выбрали мы которые покруглее, пошагали возле.

Следы привели к низине в бору. В кустах шевелится кто-то.

– Рысь! – шепнул Валька.

Я двустволку наперевес, только напрасно: в кустах-то всего-навсего выслеживает синиц Харитинья.

– Вот так следопыты! Кошачий след не отличили от рысьего. У рыси он крупный, хотя и напоминает кошачий.

Решили мы проведать земляного жителя бурундучка — как-то ему спится.

На лыжах отправились к знакомому месту. Мелколесье по самые плечи упряталось в белый пух. Ложок заровняло снегом, поваленную сосну едва заметно. Человек, что ли, ходил здесь в самокатных валенках?

След широкий, неаккуратный, носками внутрь. Видно, топтался неизвестный на месте. У молодой осинки непонятно зачем срезал ветки, разбросал их. Над бурундучишкиным жилищем снег взметён воронкой. Чернеет земля.

Теперь уж мы догадались: никакой это не человек, а медведь-шатун. Поднялся не ко времени из берлоги и бродит в поисках съестного, а кто наготовил для него?! Нору бурундучка разрыл, чтоб попользоваться даровыми припасами. Хорошо, если сам хозяин уцелел.

От норы вьется на снегу цепочка мелких следов.

Скачки размашистые, броские — напуган зверек. Догнать его надо, а то погибнет, голодный, на холоде. Сейчас, думаем, настигнем. Да не тут-то было! Бурундучишка приостановится, а как заслышит хруст снега под лыжами, припускает наутек: думает, медведь преследует его.

Долго продолжалась такая погоня. Бурундучишка сдавать стал: хвост по снегу волочит, прыжки сбавляет. Выскочил из-под буреломника — и на дерево. Вскарабкался, смотрит. Мы молчим. Он глядел, глядел — бултых с головой в снег.

Я его скорей в карман. Дома налил в блюдце молока, в молоко покрошил хлеба — ешь! Бурундучишка забился под кровать, никак показываться не хочет. Но голод не тетка. Ночью, когда все утихло в доме, подобрался к блюдцу. Закусил хлебом и уснул преспокойно у теплой печки.

* * *

Потерялся Борзан. День его нет, другой. Вышел я на крыльцо, зову:

— Борзан!

Неожиданно из-под крыши, где свалено сено, — вой. Я скорей туда! У Борзана на правой передней лапе тяжеленный капканище. Зимой наши деревенские охотники ставят такие на волков, по пять-шесть вокруг приманки.

Борзан и разнюхал даровщинку.

Освободил я лапу из стальных зажимов и ну — растирать: на трех ногах что за охотничья собака!

Борзан вначале на прищемленную лапу не решался ступать. Потом осмелел, порезвел. В лес я его не брал, так он забавлялся с ребятами. Дёмка с Валькой запрягали его в санки, на которые поставлена фляга, и отправлялись за водой. Борзан такой сильный, что и братьев заодно прокатить мог.

* * *

Мир залит неярким таинственным светом. От него снег кажется голубым. На голубое упали темные тени деревьев. У настоящего леса появилась его точная копия. Всё есть, даже просеки — пространства между тенями.

Отправились мы посмотреть, кто из лесных обитателей не спит ночью. Кто первый пожалует на бесплатное питание?

Прут живой скользнул или нитка, толстая, меховая, можно сказать, продернулась из снега. Ага, ласка!

И другой зверек копошится возле приманки. Похож на собаку-дворняжку. Это хитрая героиня народных сказок — лисичка. Работает беспрестанно челюстями, но сторожится, ушки на макушке.

Склонив лобастую голову, бредет к "столовой" волк. Не он ли спугнул хитрунью?.. Борзан! Ну конечно, он! Сидим и смеёмся: вот ведь неисправимый, не по-

шел ему на пользу урок с капканом, решил воспользоваться дармовщинкой.

Так и не узнали мы, кто еще не спит ночью.

* * *

Речка промерзла чуть не до дна. Но там, где из-под берега выбивается ключ, панцирь льда тоньше.

Все равно изрядно пришлось нам помахать ломом, пока в прорубь с бульканьем не устремилась черная, как деготь, вода.

Наверх всплыли разной величины рыбы. Сколько их! Вода кипит, как в котле.

Вдруг в проруби показалась темная, с подслеповатыми поблескивающими глазками, мордочка. Схватив щуку, ондатра мигом исчезла. Вот так ловкий рыболов!

Ондатрам зимой не легче, чем рыбам: трудно плавать, находить вмерзшие в лед водоросли. Зверьки и воспользовались нашей прорубью – добывают себе еду.

* * *

В огороде братья соорудили блиндаж: вырыли в снегу углубление, укрепили с боков и поверху досками, засыпали снегом, оставив лишь вход. Блиндаж получился на славу. Только спустившаяся темнота прервала бурное сражение.

Ночью легла пороша. Холоднее стало. Я вышел в огород и сразу приметил заячью стежку, тянувшуюся прямехонько на блиндаж. Позвал Дёмку с Валькой.

Белячишка забился в дальний угол блиндажа, зыркает глазками. Взъерошенный такой, спал, наверное, врасплох застали.

— Что будем делать с незваным гостем?

— Кормить. Пусть здесь живет до весны.

— Но вы же воевать собрались. Или, может, передумали?

— Ага.

— Но все же, в безопасности ли белячок?

— Честное слово, не тронем. По-хорошему.

— Если честное слово, берите под командование, тащите сена, морковки.

ОБНОВЛЕНИЕ

Ночью заморосил дождь. Частые водяные капли исправно точили снег, и к утру открылись черные глаза земли — первые проталины, где вчера еще горбились сугробы, сегодня, продырявив прелый прошлогодний лист, выглянула молодая травка.

Дёмка с братом водрузили на длинной жерди скворечню. Возле нее уже хлопочет парочка черноугольных скворцов.

Насвистывают, щелкают на разные лады, будто благодарят за домик.

Ребята вскарабкались на забор, наблюдают за скворчиным новосельем.

Хорошо виден им сверху и лес, помолодевший, мохнатый, манящий.

— Дядя Коля, пойдем за речку, пока не снесло переход, — зовут.

— Ну, пойдемте.

Мир радости, открытий... Увидели цветочек медуницы. Трехцветный он: у основания — розовый, середина — синяя; верх — фиолетовый. Талые воды в низинах, а торопыга распустился уже, повернувшись пестрым венчиком к солнцу. Муравьи обследуют его в поисках поживы.

Откуда ни возьмись — поползень. Плюхнулся на валежину, как прилип. Обшнырял ее и засвистел мело-

дично — весна.

Несутся облака белые, словно умытые. Отражаются в речке. Речка широкая, до краев налитая водой, бежит напористо. Застоявшийся лед скрипит, корежится, сбивается в заломы.

Дождинки сеются, смывая зимнюю шелуху. Вздыхают кряжистые старушки сосны, пошумливают тихонько, подставляя влаге ветки.

В природе обновление. Весной она всякий раз молодеет, рождается заново.

* * *

Весной каждой птице пропеть своим голосом хочется. Бекас блеет, утки крякают, самец-куропач хохочет. Дико так, по-лешачьему. Услышишь в тёмном лесу, испугаешься.

У журавлей песня красивая. Гуси, лебеди тоже хорошо поют. Короче, все пернатые поют. Нет среди них молчальников.

На что уж труженик — дятел! И тот находит время поквикать. Голову назад отведёт и резко так, с коротким выдыхом кричит — салютует дню, солнцу, всей бессмертной красоте мира.

Но и птицы не вечно молоды. Годы берут своё.

На длинноклювика, обитавшего в светлом берёзовом лесу, навалилась старость. Сначала крылья отяжелели. А потом в горле заскребли камушки. Скребли, скребли — и пропал голос. Пришла весна, дятлу поквикать захотелось — а ни звука. Онемел. Сколько ни старался, ни вытягивал шею — нет песни.

Страшно ему стало. Вокруг гомон, стрёкот, писк. Один он безмолвный. Полетел длинноклювик над деревьями. Видит, внизу поленница дров сложена. Люди

здесь недавно были. Вот надрубленная берёза. Из раны сок чистый как слеза стекает. В выемке скопился, застыл розовым комочком. Дятел эту розоватую массу и склюнул. Покислило на язычке приятно. И вроде камушки перестали в горле скрести. Слёзы берёзовые из ранки сочатся, по стволу стекают. Открыл дятел клюв и стал их ловить — сладкие!..

Время бежит, торопится. Вот уже и полдень, солнце через лес к пашне перемахнуло. Дятел от сладких капель оторваться не может. Чувствует: бодрость в него вливается, былая сила возвращается.

И осмелился длинноклювик, попробовал квикнуть — получилось! Да так звонко, как в прежние молодые годы. Будто и старости нет. Вот какой это сок! Силы земли в нём собраны. И кто этот сок попробует, в того сила и перельётся.

Попробуй когда-нибудь берёзового соку — сам узнаешь!

* * *

Мутный поток талой воды нёс щепу, палки, прошлогоднюю солому. Горбатой щукой проплыло берёзовое полено. За ним следом появился кораблик, сделанный из сосновой коры. На мачте-лучинке бился тряпичный парус.

Подхватив крохотное судёнышко, поток властно швырял его по перекатам, кружил на месте, мчал дальше. Кораблик зарывался носом в волны, валился на борт, так, что парус касался воды, и тут же, выровнявшись, продолжал путь вниз по течению.

Где поток с клокотаньем врывался в реку, торчало из воды туполобое бревно. Словно в наказание за свободу и смелость коварная стремнина бросала путешественников на это бревно так, что всё разлеталось вдребезги.

А что же кораблик? Он перед самым бревном вдруг

ловко вильнул в сторону и на высоком гребне волны — махнул прямо в реку.

Река была величава и спокойна. Кораблик поднял нос, осадил корму и заскользил гладью. Ветер наддал в парус. Мимо проносились кусты тальника, залитые по самые макушки водой, поля, огромные коряги. А к берегу реки уже бежали мальчишки. Они махали руками и кричали:

— Выдюжил! Жив кораблик! Смелее, до самого моря плыви!

* * *

Каждое лето над землёй бушует тополиная метель. Сорвавшиеся с веток лёгкие семена-парашютики как пухом устилают дорогу, падают под ноги прохожим, под колёса машин. И всё равно летят, летят...

Одному парашютику посчастливилось упасть на край дороги и угодить в трещинку, на дне которой, в полутьме, хранились капельки влаги. Парашютик размок, а прилетевшее с ним семечко набухло, дав крохотный росток.

Между тем на земле совершались перемены. Кончилось лето, за ним пришла хмурая осень, а там и злая зима.

Повалил снег и укрыл семечко, словно одеялом. Семечко уснуло. Так пролежало оно до весны. Когда пришёл апрель, зажурчали ручьи, семечко проснулось, пустило новые побеги.

И надо же так случиться, что на этом месте бросили кирпич. Тополёк, не успев выглянуть на свет, оказался замурованным. А ему очень хотелось жить, качаться под ветром, шелестеть листьями. И тополёк стал наступать. Нежные стебельки гнулись, но снова и снова шли в наступление. Долго продолжалась эта борьба. Кирпич ни за что не хотел выпускать пленника на волю.

Наконец тополку удалось приподнять тяжесть над собой — чуть раздвинуть побегом кирпичные обломки, обогнуть камень. Посвободнее стало. Из почки проклюнулся листик, слабенький, бледный. Прилип к кирпичу и давай его соком своим размачивать. И что же? Не выдержал кирпич — дал трещину. В щёлку тут же ударил проныра-луч. Поиграл, потрогал листок тонкой своей иголкой, потом исчез. Но успел дать силы листку. Окреп тополёчек, скорей протиснулся наружу...

Был уже май. Цвели яблони, сирень. Красиво, празднично было на земле. И никто не замечал крошечного деревца. Но однажды по этой дороге шли ребята со своей учительницей.

— Смотрите, — сказал кто-то, — тополёк!

— Да! — подтвердила учительница. — Это тополь. И знаете, он совершил подвиг: видите, какой кирпич расколол?

С того дня у тополька появилась дощечка. На ней написано: "Берегите это деревце! Оно, как герой, победило смерть!"

Недавно я проходил по той дороге и видел этот тополёк. Он теперь высокий. До вершины вряд ли рукой дотянешься!

Красивое, сильное дерево выросло из маленького упрямого росточка.

* * *

На озере собралось множество птиц. Для одних озеро — лишь временная остановка по пути на север, для других — место гнездовья. Концерт на всю округу.

Вставать приходится спозаранку, но ради такого концерта и сном пожертвуешь. Вскакивают торопливо и братья.

— В школу не опоздаете?

— Не. Близко же!

— Коли так, собирайтесь.

У озера ложимся за кочками. Темно. Глухо. Лишь на востоке полоска зари — сигнал к пробуждению. Мелькнула в кустах пичуга, загорланили журавли — в хрустальные склянки ударили. Прошумела утиная стая, плюхнулась на воду, выбирает прибрежную ряску.

Куличишки, как могут, проявляют себя.

Лягушки и те пробуют голоса.

Больше желающих нет. Но вдруг над головой разносится блеяние, тонкое, как сквозь дудочку. Это бекас. Распустит хвост веерком, расправит крылья и устремляется вниз – перышки на ветру издают звук такой, словно блеет барашек.

— Засоня, – говорят братья, – все отпелись, а он только начинает.

— Бекас не засоня, просто он пел в другом месте, всех ведь надо повеселить.

И правда, "барашек" уже переместился к деревне, где трактористы пашут. И знай старается: то у озера, то над пашней. Вот какой неутомимый!..

* * *

Проглянуло из-за туч солнце, и все вокруг ожило, заблестело. Забираемся в шалаш у воды. Над озером пролетают утиные пары. Спланировала к нашему шалашу стайка незнакомых птиц. На шее у каждой яркий цветной воротничок.

Разбрелись птицы в траве, выискивают рачков, букашек. Наелись досыта и принялись драться: наскакивают друг на друга, воинственно топорща воротнички. Одна из птиц затрепыхалась, испуганная. Воротничок вокруг шеи опал, как не бывало его. Но вот птица успокоилась, и на шее у нее снова зацвел ободок. Живой он, оказывается!

Дома перелистали мы "Книгу охотника" и увидели на рисунке птиц с воротничками. Кулики-турухтаны это. Зимуют они в Африке, в Индии, у Персидского

залива, весной возвращаются на север. Здесь их Родина.

* * *

А наша с вами Родина здесь, на севере. Возле полноводной Оби.

Нет ничего дороже её. Её ни купить, ни продать, ни обменять на другую. Родина — это Родина. Цены ей нет. Она и в поникших ивах над ручьём Большой Еган, что вблизи Нижневартовска, травяных луговинах возле Больше-Тархово, дождевых моросях, в весёлом и огорчительном, в грустном, мечтательном, шаловливом, суровом. Во всём, что случается.

Родина — это наша с вами жизнь на земле, ставшей домом обетованным.

Она в каждой ожившей по весне веточке, малой голосистой пичуге и красавце лебеде, вскрике журавля. В замшелой тайге, кочкастой болотине, покосившихся избёнках старой полузаброшенной деревни и нашем многоэтажном городе.

Родина начинается с детства. Детство начинается с Родины. Они неразделимы и неразлучны. Любите их. Ищите в самом малом и неприметном великое.

Чтите детство своё и Родину!

Содержание

Мои соседи	3
Речка	5
Наш живой уголок	10
Как рябчики умываются	17
Синий бор	18
Попалась!	21
Бубенчики	23
В сенокос	24
На исходе лета	26
Золотой осенью	30
Зима	33
Обновление	37

Николай Павлович Смирнов СИНИЙ БОР

Сдано в набор 20.05.1996 г. Подписано в печать 23.08.1996 г. Печать офсетная. Бумага тип. №1.Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 2,75. Тираж 5000. Заказ 369. Цена свободная.

Редакция газеты «Нефтяник», г. Нижневартовск, пр. Победы, 16.

BIS NIZHNEVARTOVSK
0439941060